

Социологическое исследование политического сознания южнокорейцев

Стрелова Наталья Сергеевна – студент факультета Политологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Аннотация: В данной работе проводится социологический анализ политического сознания южнокорейцев в условиях коренного изменения отношений между РК и КНДР на примере публикаций в Twitter посредством проведения контент анализа. Актуальность темы заключается в контексте обсуждения перспектив объединения Кореи. В условиях современных трансформаций политическое сознание оказывает огромное влияние на социально-политические процессы, происходящие в обществе. За последний год вспыхке интереса к корейской проблеме изначально способствовал ядерный кризис, а затем резонансное для мирового сообщества потепление в отношениях между двумя государствами, формально находящимися в состоянии войны.

Ключевые слова: Политическое сознание, Южная Корея, Северная Корея, объединение, корейский полуостров.

В данной работе проводится социологический анализ политического сознания южнокорейцев в условиях коренного изменения отношений между РК и КНДР на примере публикаций в Twitter посредством проведения контент анализа. Используя в качестве эмпирической базы исследования публикации в твиттере, стоит понимать, что целевая аудитория данной социальной сети – молодые люди. Согласно статистическим данным, 80% пользователей Твиттера – люди от 16 до 45 лет [2]. Несмотря на то, что это общемировая статистика, и не представляется возможным определить данный процент отдельно для Южной Кореи, можно получить относительно верный демографический портрет корейского твиттера. Согласно тем же исследованиям, в корейской социальной сети KakaoTalk возрастное распределение выглядит следующим образом: 27% пользователей – молодые люди от 16 до 24 лет, около 35% - от 25 до 34, около 20% - от 35 до 44, и оставшиеся около 18% - пользователи от 55 до 64 лет [2]. Исходя из того, что KakaoTalk – наиболее популярная социальная сеть в Южной Корее, можно предположить, что данное распределение отражает реальную вовлеченность населения в социальные сети. Также нет необходимости не доверять общепринятому факту, что социальные сети используются преимущественно молодёжью, что не исключение и для Южной Кореи, где старшее поколение крайне консервативно в отличие от молодёжи.

Был создан следующий категориальный аппарат:

- Отношение к Северной Корее (в подкатегории: 1) отношение к Ким Чен-Ыну; 2) общая оценка политического курса Северной Кореи; 3) историческая рефлексия, 4) ядерный вопрос);
- Отношение к проводимой РК политике (в подкатегории: 1) отношение к Мун Чже-Ину; 2) отношение к внешней политике РК, 3) экономика).

В процессе анализа фиксировалось отношение автора к отдельному явлению или персоналии по четырём позициям: положительное отношение, нейтральное отношение, отрицательное отношение, сложно определить.

Полученные результаты в некоторой степени подтвердили уже существующие данные корейских исследований. Согласно данным Gallup Korea, был проведён телефонный опрос в марте 2018 года, в выборку попали 1003 человека старше 19 лет, который показал чрезвычайно низкие рейтинги Ким Чен-Ына среди южнокорейского населения: только 10% населения поддерживают северокорейского лидера и считают проводимую им политику необходимой, в то время как 83% высказались решительно отрицательно [5]. В 2013 году Ким положительно оценивался только четырьмя процентами южнокорейцев. Другой опрос, проведенный в январе 2018 года после того, как Ким впервые сделал дружескую увертюру в сторону Южной Кореи, показал, что 90% южнокорейцев не думали, что Север откажется от своего ядерного оружия. В мартовском исследовании 2018 года было также обнаружено, что большинство южнокорейцев отрицательно оценивают президента Трампа (67%), и лишь 64% считают, что Северная Корея откажется от своей программы ядерного оружия. Рейтинг южнокорейского президента, согласно вышеупомянутым исследованиям, колеблется в районе 65% [5].

Однако после исторического саммита оценки северокорейского вождя значительно изменились: один из ведущих телеканалов Южной Кореи, MBS News, провёл опрос, согласно результатам которого рейтинг Ким Чен-Ына подскочил до 77% положительных оценок. Южнокорейский президент также поднялся в глазах соотечественников: его рейтинг вырос до 80% [3].

Согласно полученным данным в настоящем исследовании, встреча действительно

оказала большое влияние на оценки двух лидеров, что было вполне ожидаемо. Тем не менее, позиции северокорейского президента могут показаться слегка завышенными в контексте данного исследования, поскольку положительные высказывания о нём перед саммитом практически отсутствовали, в то время как после саммита из всего массива твитов было выделено лишь 30% с яркой положительной окраской, где остальные 70% выглядят безразличными и нейтральными, что также заметно отличается от официальных данных. Южнокорейская молодёжь практически воздерживается от оценки северокорейского лидера: эмоционально окрашенные сообщения с упоминанием Ким Чен-Ына представлены незначительно, причем после саммита заметно, что южнокорейцы все меньше связывают лично Ким Чен-Ына и коммунизм, считая его скорее пострадавшим, нежели виновным.

Данные расхождения можно списать на демографический разрыв между политическим сознанием старшего и молодого поколения: пользователи твиттера – преимущественно молодёжь, взросление и становление которой пришлось на период накалённых отношений с КНДР, а также отсутствие у них каких-либо ментальных связей с Северной Кореей. Стандартное повествование о растущем безразличии к Северной Корее среди южнокорейских юношей – это культурный разрыв между поколениями: у молодых людей нет живой памяти о делении и его непосредственных последствиях. Недавнее исследование Института Асана показало, что только 14,1% южнокорейцев в возрасте двадцати лет считают северокорейцев «одними из нас» [1, с. 20]. Тем не менее, историческое обоснование данного расхождения не кажется исчерпывающим: молодые корейцы, никогда не имевшие дело с японским колониализмом, не наблюдая каких-либо унижений с японской стороны сегодня, оценивают Японию по большей мере отрицательно. Хотя верно, что южнокорейская молодёжь более удалена от прошлого Кореи как единой нации, этот факт не полностью объясняет явление. Система культурных ценности южнокорейской молодёжи не во всём отделена от взглядов старшего поколения: их негативные взгляды о нынешнем японском правительстве и историческом наследии Японии по-прежнему схожи [1]. Таким образом, простое использование культурного разрыва в качестве аргумента для объяснения их слабой рефлексии недостаточно.

Переходя к интерпретации результатов основного исследования, стоит отметить следующие положения:

Южнокорейцы крайне критически высказывается о проводимой Северной Кореей политике, в наибольшей степени критикуя и обвиняя во всем северокорейскую идеологию и политику изоляции, однако в своих сообщениях они, как уже было отмечено, воздерживаются от резкой критике северокорейского вождя.

Южнокорейцам не свойственна историческая рефлексия: все единицы анализа в данной подкатегории представлены незначительно по сравнению с подкатегорией «ядерное оружие» и «экономика», они редко пишут о корейской войне: около 90% упоминаний данных событий и последствий относятся к официальным каналам, правительственным аккаунтам и СМИ, что может свидетельствовать о возможных попытках южнокорейского руководства, придерживающегося необходимости воссоединения, воззвать к исторической памяти корейцев и надавить на чувства и эмоции корейцев касательно угнетения северокорейского народа с призывом спасти их от ужасов коммунизма;

Южнокорейскому населению свойственна негативная оценка ядерной программы КНДР. Южнокорейская молодёжь высказывается резко отрицательно, поскольку, как было отмечено пользователями, существующая военная угроза заставляет Южную Корею тратить слишком много ресурсов для обеспечения безопасности государства и обосновывает необходимость в военной службе мужчин, против чего корейцы очень активно протестуют. Вместе с упоминанием ядерного оружия корейцы упоминали также и США, что, по их мнению, может препятствовать дальнейшему благоприятному сотрудничеству.

Важное значение имеет то, что южнокорейцы, упоминая слова, которые относятся к подкатегории «историческая рефлексия» в тех же сообщениях упоминают и слова, которые были отнесены в категорию «экономика», что свидетельствует об озабоченности корейцев финансовыми возможностями дальнейшего развития диалога с КНДР. Так, вместе с единицей анализа «объединение» рекордное количество раз упоминались «налоги» и «деньги». Это очень показательно в контексте рассмотрения политического сознания: южнокорейцы обеспокоены собственным благосостоянием и озабочены существующими в Южной Корее экономическими проблемами, что говорит о либеральном политическом сознании южнокорейцев. Это также показательно в контексте относительно недавней трансформации южнокорейского политического режима из жёсткого авторитарного в сторону либеральной демократии. Таким образом, можно говорить о неготовности южнокорейцев к объединению, но при этом не говорит о их осуждении со стороны национального правительства оказывать помощь КНДР и в особенности северокорейским беженцам.

Таким образом, в заключение хотелось бы отметить, исследования политического сознания южнокорейцев имеют высокий потенциал в контексте значительных политических трансформаций и всё более возрастающей ролью АТР в мировой политике. Также нельзя не сказать о существующей дифференциации политического

сознания южнокорейцев разных поколений, что имеет более глубокие истоки, чем просто увязывание это с историческим контекстом: анализ записей в твиттере помог определить некоторые факторы скорее нейтрального и отрицательного отношения к потенциальному сближению и объединению: это, во-первых, экономические факторы, во-вторых, угроза безопасности Южной Кореи и, как следствие, необходимое содержание армии. Таким образом, является установленным, что в системе политических ценностей преимущественно молодых южнокорейцев высоко стоит финансовое и социальное благополучие самих себя, нежели других, что характеризует их как либерально ориентированных, а чувство единства с северными соседями и исторической справедливости представлено довольно слабо. Как было отмечено выше, это является важным в контексте трансформаций политической системы в самой Южной Корее, что ясно демонстрирует успешный переход от авторитарного режима к наиболее либерально-демократическому. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что политика действующего корейского президента достаточно рискованная и может привести к его непопулярности в случае игнорирования общественных настроений. Его рейтинг сегодня является довольно низким, несмотря на недавнюю встречу с Кимом в Пхеньяне: его рейтинг после данного события вырос лишь на десятые доли и по сей день продолжает падать, причем в наибольшей степени корейцы высказываются критично по отношению к экономической политике Сеула, но экономические вопросы заботят корейцев больше всего и в контексте отношений с КНДР.

Значимость исследования также состоит в том, что его результаты могут иметь прикладное и прогностическое значение: анализ политического сознания может, хоть и не в полной мере, свидетельствовать о рефлексии южнокорейцев относительно разделённой Кореи, об их отношении к Северной Корее и национальному правительству, об их потенциальной идентичности, о их готовности к возможному объединению. Безусловно, масштаб исследования и запутанность «корейского узла», его сложность не позволяют дать однозначной оценки способности южнокорейцами принять возможные преобразования, однако могут послужить отправной точкой в изучении общественного сознания в Корее в контексте наметившихся трансформаций во взаимоотношениях обоих государств.

Список литературы

1. Asan report: South Korean Attitudes toward North Korea and Reunification // The Asan Institute for policy studies. 2015. P. 27. URL: https://thediplomat.com/wp-content/uploads/2015/01/thediplomat_2015-01-29_13-53-09.pdf.
2. Linder D. Global social media research summary. 2018. URL: <https://www.productmafia.com/global-social-media-research-summary-2018>.

3. MBC 뉴스 24시간.

4. 여론조사 전문기관 갤럽 298 2018년 3월 2일. URL:

[https://panel.gallup.co.kr/Contents/GallupKoreaDaily/GallupKoreaDailyOpinion_298\(20180316\).pdf](https://panel.gallup.co.kr/Contents/GallupKoreaDaily/GallupKoreaDailyOpinion_298(20180316).pdf).

{social}